

ПОЭТОГРАД

№ 3
Октябрь
2010

Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 2 раза в месяц

В номере:



Поэзия

Людмила Щипахиной

Светланы Ос

Дмитрия Цесельчука



Новые книги

Светланы Дион

Максима Жукова



Поэтическая проза

Игоря Галеева



Ованес Туманян

и русские поэты



АНОНС

«Дети Ра»

в Клубе

«Журнального

зала»

Презентация новых номеров журнала.

Презентация книг постоянных авторов журнала Ольги Голубевой - Сванберг (Хельсинки), Александра Вепрёва (Сочи).

Ведущий — Евгений Степанов.

Вечер состоится 2 ноября 2010 года в Клубе «Журнального зала» в 19.00 по адресу:

Москва, Малый Гнездниковский переулок, д. 9/8, стр. 3а.

Редакция газеты
«Поэтоград»

ЮБИЛЕЙ

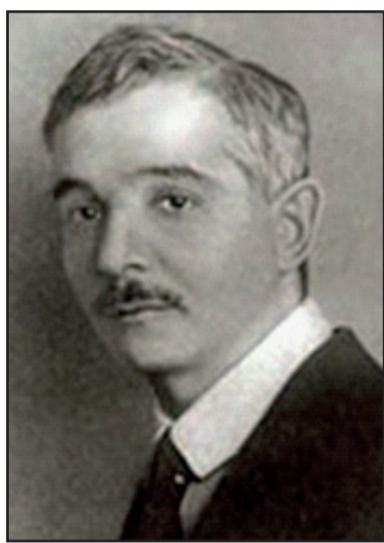
«КТО НЕ ГЛУХ, ТОТ САМ РАССЛЫШИТ»

К дню рождения Саши Черного

«Если при столкновении книги с Головой раздастся пустой звук, – то всегда ли виновата книга?»

Георг Аихтенберг

(Эпиграф, выбранный поэтом Сашей Черным к одному из своих стихотворений...)



13 октября этого года исполнилось 130 лет со дня рождения Саши Черного, Александра Михайловича Гликберга. В этот же день в Петербургском театре «Эрмитаж» прошел спектакль «Тайные записки тайного советника», созданный по мотивам произведений еще одного юбиляра этого года – великого писателя А. П. Чехова, чьим другом Саша Черный был. Его «Простые слова» памяти Чехова, написанные в 1910 году, говорят о большом уважении и искренней любви С. Черного к духовно близкому человеку: «В наши дни трехмесячных успехов / И развязных гениев пера / Ты один, тревожно-мудрый Чехов, / С каждым днем нам ближе, чем вчера. / Сам не веришь, но зовешь и будишь, / Разрываешь ямы до конца / И с беспомощной усмешкой тихо судишь / О скорбивших землю и Отца».

Поэт-сатирик, писатель Саша Черный начал свою литературную карьеру рано, еще в отрочестве. Один из его рассказов, с содействия журналиста Александра Яблоновского, был опубликован в популярной тогда газете «Сын Отечества». Некоторое время после службы в армии Александр писал для житомирской газеты «Волынский вестник». Здесь был напечатан его «Дневник резонера» за подпись «Сам по себе». Когда издание обанкротилось, молодой литератор решил продолжать литературную карьеру в столице. В Петербурге в 1905 году в журнале «Ерунда» Александр Гликберг впервые опубликовал поэтическую подборку, подписавшись псевдонимом Саша Черный. Вскоре из-за этих стихов журнал был запрещен цензурой, а Саша Черный в одночасье стал знаменитостью, хотя и его первый сборник стихов «Разные мотивы» (1906), содержащий наряду с лирикой едкую сатиру, был запрещен цензурой тоже. С тех пор поэт стал создателем целой галереи карикатурных портретов — журналистов, писателей, поэтов, обывателей...

«Кто в трамвае, как акула, / Отвратительно зевает? / То зевает друг-читатель / Над скучнейшую газетой... Каждый день, впиваясь в строчки, / Он глупеет и умнеет: / Если автор глуп — глупеет, / Если умница — умнеет...». «Кисло-сладкие мужчины, / Знаменитости без лиц, / Стряпят знающие мини, / С видом слушающих птиц». Герои стихотворений Саши Черного «прозвизор, курсистка, певица, / писатель, дантрист...» — чаще всего, для поэта назойливые мухи, слетавшие вместе совершенно непонятно зачем, потому что время их проходит бесцельно и они не нужны друг другу.

«Пошлость» — слово, которое так часто прочитывается сквозь гнев авторских строк, — это и было то, что больше всего ненавидел Саша Черный. Недаром Александр Куприн в статье о Черном сравнивает его то с Салтыковым,

Щедриным, то с Чеховым, которые, в свою очередь, тоже боролись с пошлостью всей силой своего таланта. Но если Салтыков-Щедрин оставил читателям портрет своего времени, то стихи Саши Черного написаны, как зачастую кажется, нашим современником, без поправок на какой-то исторический отрезок времени. Такие даже и в наше время случающиеся явления, как неверность, неопределенность и бесцельность человеческого пути, вызывают грусть и досаду, как в стихотворении Саши Черного «Петербург»: Пестроглазый трамвай вдалеке промелькнул. / Одиночество скучных шагов... «Ка-ра-ул!» / Все черней и неверней уходит стена, / Мертвый день растворился в тумане вечернем... / Зазвонили к вечерне. / Пей до дна!» В том, что стихи поэта современны, интересны слушателям и, безусловно, талантливы, смогли, в частности, убедиться и те, кто пришел 17 октября в «Парк культуры и чтения», что на Невском, на литературный вечер, также приуроченный к дню рождения поэта. В исполнении заслуженного артиста России Юрия Томошевского и артистов его мастерской прозвучали стихи поэта, а также стихи его современников. Один из последних, Владимир Маяковский, на вопрос, кого он любит больше: Полонского, Майкова или Фета, однажды со смехом ответил: «Сашу Черного». Надевая маску порока, Саша Черный никогда не становился частью деградирующего общества.

Корней Чуковский вспоминал Черного периода сотрудничества с журналом «Сатирикон»: «Он не участвовал в шумных разговорах и, когда шутили, не смеялся». Он никогда не шел на творческий компромисс, часто меняя журналы при малейшем нажиме со стороны редакции.

После периода наивысшей популярности с 1905 по 1917 год жизнь поэта резко переменилась. Он активно не принял октябрьский переворот и эмигрировал в Европу. Однако, как отмечают исследователи его творчества, обретя личную независимость и, вероятно, сохранив себе жизнь, поэт оказался вдали от почвы, питавшей его творчество. «Светлый немец / Пьет светлое пиво. / Пей, чтоб тебя разорвало! / А я, иноземец, / Сижу тоскливо, / Бледнее мизинца». Несмотря на это, в отрыве от живого русского языка, он не оказался в культурном вакууме. С 1924 года Саша Черный жил в Париже, сотрудничал в газетах «Последние новости», парижском «Сатириконе» и других периодических изданиях, устраивал литературные вечера, ездил по Франции и Бельгии, выступая со стихами перед русскими слушателями. Писатель оставил переводы из Генриха Гейне, Рихарда Демеля, Кнута Гамсуна и др. И все же в 1931–1932 годах Черный написал поэму «Кому в эмиграции жить хорошо», одно название которой говорит само за себя. Последним местом жительства поэта стала Франция, Прованс. Умер Александр Михайлович от сердечного приступа после того, как помог тушить случайный пожар. На его могильной плите высечена строка из стихотворения Пушкина: «Жил на свете рыцарь бедный». Саша Черный был рыцарем своего времени, считающим до конца жизни, что «лучше по Чехову жить, чем биться под пытками в клетке... лучше исканиям новым идти, томясь и срываюсь». И, несмотря на свою едкую, жестокую сатиру, Саша Черный верил, что «Кто не глух, тот сам рассышит, / Сам рассышит вновь и вновь, / Что под ненавистью дышит / Оскорбленная любовь». Любовь к жизни, любовь к людям, любовь к тому лучшему, что должно быть в каждом человеке, несмотря на то, что он живет, по словам поэта, на «Земле, 7000 лет плавающей в крови».

Ольга Денисова

КОЛОНКА РЕДАКТОРА



Друзья!

Есть множество определений поэзии.

И все они имеют право на существование.

Поэтому газета «Поэтоград» печатает силлаботонику и верлибры, палиндромы и акrostихи, лирику и иронические стихи...

В «Поэтограде» всем хватит места.

«Поэтоград» — столица мира!

Евгений СТЕПАНОВ

КОМНАТУ БРОДСКОГО В КОММУНАЛКЕ ВЫКУПILI ДЛЯ МУЗЕЯ

Фонду, занимающемуся созданием музея Иосифа Бродского в Петербурге, удалось выкупить комнату поэта в коммуналке на Литейном проспекте. Об этом 12 октября на вечере в Российском культурном центре в Вашингтоне рассказал глава фонда Михаил Мильчик, его слова передает РИА Новости. «Вчера случилось чрезвычайное, хотя, признаюсь, и ожидалось событие. Мы добыли последние два миллиона рублей, которых нам не хватало на выкуп комнаты, в которой жил Иосиф Бродский. Это небольшая комната, всего 19 квадратных метров. И вот — вчера это произошло, — заявил Мильчик. — Мы сделали еще один, очень значительный, шаг к созданию полноценного музея. Остается еще одна комната, и с женой, которая в ней живет, предстоит очень непростая работа. Но теперь можно сказать, что почти вся квартира Бродского принадлежит Фонду».

(по материалам сайта Lenta.ru)

ДРУЖБА ПОЭТОВ

ОВАНЕС ТУМАНЯН – «ТЫ СТАЛ СРЕДЬ НАС РОДНОЙ ИВАН»

В село Дсех Лорийской области (Армения) осень пришла в этот раз вместе с «Туманяновским днем». Через 40 лет после празднования 100-летия известного армянского поэта, сказочника и общественного деятеля Ованеса Туманяна в 1969 году, на его родине собрались 20 потомков из Армении, Грузии, России, Дании, Германии и других стран.

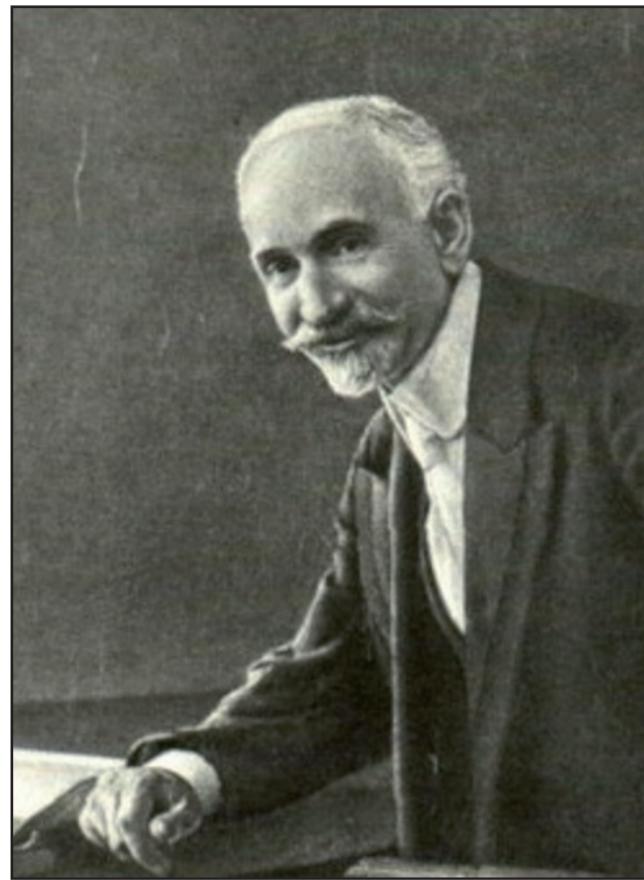
Род Туманянов происходит от ветви армянского княжеского рода Мамиконяндов, в средние века обосновавшегося в селе Дсех. Дед Ованеса был священником в церкви Григора Просветителя. Ованес Туманян, как писал в своем стихотворении Егише Чаренц, «велик был землей и кровью, в земле он корнями был». Сам Туманян считал, что «величие поэта прежде всего в его народности: поэт должен быть сердцем своего народа». Так и получилось.

И вот, во дворе дома-музея Ованеса Туманяна состоялось традиционное торжество «Туманяновский день», собравшее не только народ деревни Лори, но и других областей, столицы и разных стран. Идея приглашения всех потомков возникла неожиданно. В семье туманянов пришли к выводу, что большая часть наследников уже тридцать лет не виделись друг с другом, не говоря уже о том, что за это время в роду произошло значительное прибавление. Вот и решили собрать всех вместе. Некоторые потомки впервые побывали на родине своего пращура, что не могло не взволновать их души и не заставить почувствовать сильнее свою принадлежность к великому роду.

За несколько дней до мероприятия в Дсехе потомки туманяновского рода побывали в ереванском музее Туманяна, в Пантеоне посетили могилу Ольги Васильевны (жены Туманяна), повидали исторические памятники Ахпата, Оձуна, Санайна, Ахтала и другие места Армении. Съездили в Тифлис, возложили цветы к могилам Туманяна, Раффи, Саят-Новы, посетили все дома, в которых жил Ованес Туманян. Всего 10 адресов. Прекрасным экскурсоводом для них стал тбилисец Саркис Дарчинян – автор книги о старом Тбилиси, которая скоро увидит свет. Он показал им гимназию Ст. Лисциана, семинарию Нерсисяна (оба здания в ужасном состоянии), Консисторию, где работал Туманян, а также дом, в котором некогда был создан литературный союз «Вернатун». А потом они посетили дом, в котором семья Туманяна жила с 1909 года по 1949, и в котором собиралась вся элита того времени. В небольшой части до сих пор живет семья сына Ованеса Мушега. В другой части с легендарным балконом, с которого выступали писатели, после смерти Ольги Васильевны, была организована библиотека им. Ов. Туманяна. В середине 90-х она была отдана некоему г-ну Лежаве. По стечению обстоятельств после тяжелой автомобильной аварии он лежал в больнице в Армении. Тогда-то к нему и обратилась внучка Ованеса Туманяна Ирма Сафразбекян с просьбой вернуть часть дома. Лежаве требовалась операция, и он попросил 25 тыс. долларов за квартиру. У семьи таких денег не было, все усилия через телевидение и прессу не дали результата. Новый владелец квартиры Туманяна 8 лет ждал, а потом перенесли библиотеку и... была поставлена железная дверь.

В Доме-музее Туманяна и семейном архиве имеется много свидетельств о связи армянского поэта с известными русскими поэтами. Во-первых, кроме армянской периодики, дома всегда получали русские газеты и журналы: «Русское богатство», «Русская мысль», «Вестник Европы». Туманян сам много читал и хотел, чтобы дети также знакомились с литературой и культурой других стран.

По воспоминаниям членов семьи, в январе 1916 года в литературной жизни Тбилиси состоялось большое событие – лекции об армянской поэзии и литературе приехавшего из Москвы Валерия Брюсова, которого Туманян высоко ценил за смелость, любовь к армянскому народу, к его культуре и литературе. Ценил кропотливую и трудную работу поэта по созданию «Поэзии Армении». Во время геноцида армян великий русский поэт не побоялся поднять свой голос в защиту маленького народа и представить всему миру жемчужину армянской поэзии. Тогда «Брюсовская неделя в Тифлисе стала настоящим праздником», как сказал Туманян. «На вечере Брюсов читал свои переводы из армянских поэтов. И когда он прочитал «Перед картиной Айвазовского» Туманяна, грязнули аплодисменты, он подошел к Туманяну и сказал: «Ему аплодируйте, вот он, старики-чародей... Я преклоняю голову перед великим армянским поэтом», – пишет в своей книге внучка Туманяна, туманяновед, доктор наук Ирма Сафразбекян. В дни приезда Брюсова Туманян посвятил ему стихотворение «Явился из снегов, издалека...»



И прав поэт, что предсказал нам бег
Времен – в пресветлый и желанный век,
Где человека любят человек,
Где с человеком счастлив человек.

(Перевод Б. Ахмадулиной)

Брюсов был частым и желанным гостем в доме Туманяна, которого он называл просто – Иваном. Однажды в беседах о литературе Брюсов засиделся у армянского поэта допоздна. Поняв, что время позднее, Брюсов заторопился, извинился, попрощался и ушел. Закрыв за гостем дверь, Туманян внезапно вернулся и, распахнув дверь, увидел сидящего на ступеньках Брюсова, который что-то записывал в блокнот. Туманян растерялся и спросил: «Что с Вами, Валерий Яковлевич, устали или Вам плохо?». Брюсов со свойственной ему застенчивостью и учтивостью ответил, что записывает состоявшуюся только что между ними беседу и, чтобы не нарушать сон домашних, примостился прямо на ступеньках. Туманян рассмеялся, а дома потом сказал, что никогда бы не смог записывать весь прошедший день.

Дружба между ними сохранилась до последних дней жизни Туманяна. В дальнейшем она продолжалась между женой Брюсова Иоанной Матвеевной и дочерью Туманяна Нвард, сохранилась переписка по вопросам поэзии и проблемам перевода.

Большое впечатление на детей Туманяна произвел Константин Бальмонт, который довольно часто приезжал в Грузию в 1917 году для работы над переводом «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Он привлекал внимание тем, что говорил очень эмоционально, а, читая стихи, высоко вскидывал голову с рыжими кудрями. Туманян и Бальмонт познакомились, когда Бальмонт перевел легенду «Ахтамар». Это был первый перевод произведения Туманяна на русский язык. Помещен он был в журнале «Семья» за 1893 год. А в 1894 году по просьбе Ю. Веселовского Бальмонт перевел стихотворение Туманяна «Концерт» для второго тома сборника «Армянские беллетристы». В Пятигорске Бальмонт посвятил Туманяну экспромт:

Тебе, Ованес Туманян,
Напевный дар от Бога дан,
И ты не только средь армян
Лучистой славой осиян,
Но свой нарядный талисман
Забросил в дали русских стран,
И не введя себя в изъян,
Не потеряв восточный сан,
Ты стал средь нас на родной Иван...

В 1923 году на траурном вечере в Сорbonne, посвященном памяти Туманяна, Бальмонт рассказал о своих

многократных встречах с ним и отметил, что из восточных поэтов, известных ему, Туманян представляется наиболее «своеобразным и общечеловечным».

Долгие годы своим человеком в туманяновском доме был Сергей Городецкий. В 1916 году он приехал в Тифлис как представитель «Союза городов», не зная, куда направить свой юношеский пыл. По совету Туманяна Городецкий поехал в Западную Армению, как он писал впоследствии, спасать армянских детей. И выполнил свою миссию с честью. С риском для жизни он как русский офицер имел возможность беспрепятственно вывозить на арбах, под пулями, голодных, раненых и осиротевших армянских детей. Там, в Западной Армении, Сергей Городецкий сдружился с сыном Туманяна Артиком, который обучал его армянскому языку, о чем свидетельствуют записные книжки Городецкого.

Плененный красотами Вана, Игдыра и др. мест, Городецкий написал циклы стихов «Ангел Армении», посвятив его Туманяну. Из русских писателей он был единственным очевидцем резни армян в Западной Армении. На основе увиденного он создал цикл очерков и стихов «В стране ручьев и вулканов» и написал роман «Сады Семирамиды».

А вот один из его экспромтов, посвященный Туманяну:

Не знаю, кто придумал эсперанто,
Чтоб языки связать в один венец.
Но знаю я другого: Туманян-то –
Он эсперанто изобрел сердец!

Одно из известных стихотворений Городецкого «Армения» было тоже посвящено Туманяну, о чем свидетельствует хранящееся в Доме-музее в Дсехе письмо.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью!
И воскресенья весть услышать над тобой,
Армения, звенящая огнем и кровью,
Армения, не побежденная судьбой! –

писал Городецкий, ставший свидетелем резни армян в Западной Армении и торжества жизни.

В семье Туманяна заложил традицию переписки, он просто требовал, чтобы дети писали, вели дневники. Письма составляют значительную часть туманяновского архива. Благодаря этой переписке, мы узнаем не только о широте интересов каждого члена этой семьи, но и самые достоверные сведения о жизни целой плеяды людей, которые жили рядом и были вхожи в туманяновский дом. Это были писатели, художники, музыканты, актеры, общественные деятели, это были гости из России – В. Брюсов, К. Бальмонт, С. Городецкий, А. Дживилегов и др.

Закончилось торжество в Дсехе застольем под крышей гостеприимного дома поэта с «туманяновским хлебом», вином, матахом (жертвенный ягненок) и, естественно, танцами. Столы были накрыты дсехцами, которые удивили тем, насколько хорошо они знают любимые блюда своего легендарного земляка. Приятно было видеть среди этого народного веселья «живого» Туманяна – актера Маиса Саркисяна, который так хорошо вжился в роль, что мало кто задумывался о том, что это всего лишь игра: он читал стихи, внимательно вглядывался в лица людей, с интересом беседовал о жизни и перепитиях судеб, как когда-то делал настоящий Туманян.

Елена ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН



ПЛОЩАДЬ СИЛЛАБОТОНИКИ

ЛЮДМИЛА ЩИПАХИНА
СТИХИ О РОДИНЕ

РОССИЯ

Хрустит сутроб свежо и ломко.
Иду, теряясь меж людей.
Трясется на плечах котомка
Былой любви, былых идей...

На мне обноски да рванины.
Нет ни кола и ни двора.
Скупятся русские равнины
На подаяние добра.

Последний лучик погасила
Неистребляемая ложь...
Я образ твой в груди носила...
За что же на меня плашешь?

Возникну болью у подъезда
В холодном обмороке дня,
Хоть на любой помойке место
Есть в государстве у меня.

И крикну из последней силы
В сырую беспросветность дней:
Прости прощения, Россия,
У верной дочери своей.

МЫ

Не ведаем, что же нам надо
В плену несущественных проблем...
Мы – жалкие дети распада,
Не верим ни этим, ни тем.

В эпоху чужого насилия,
Когда расплзается тьма,
Обломаны бывшие крылья,
Оболганы наши слова.

И в этом распроданном мире
Не нужен наш праведный труд,
Кого-то замочат в сортире,
Кого-то в подъезде взорвут.

Живем осторожно, не робющем,
Боимся ослушаться власть.
На торжище этом всеобщем
Мы – самая лишняя часть.

ДОРОГОЙ ДЕЗЕРТИРА

Я иду дорогой дезертира...
Я живой, и все же – не живой.
Мне от издевательств командира
Путь один: в петлю или домой.

Я теперь чужой и осторожный.
Божий мир, меня не покарай.
Дай приют мне, камень придорожный,
Старый стог или гнилой сарай.

Сном забудусь, стану вновь сыночком –
Пашня, сенокосы, отчий дом...
И во сне – все бьют меня по почкам.
Кровь из горла пенится кругом.

Не от долга и судьбы солдата –
От бесчестья жизнь свою унес.
Вот и пробираюсь воровато
Как отброс, как шелудивый пес.

Одному мне выпадет расплата.
Но во лжи – от головы до пят –
Разве ты, страна, не виновата?
И гарант страны – не виноват?

...Но уже свирепствует погоня.
Но уже на твой напали след,
Деревенский юноша, тихоня,
Жертва двадцати неполных лет...

ВСЮ ЖИЗНЬ

Всю жизнь – война, войне,войной...
За урожай – сплошные битвы.
Борьба с покорной целиной.
За упокой надежд – молитвы.

Свершают ратные труды
Под воинскими небесами.
Покорно строимся в ряды
Борцов – за что – не знаем сами.

Идут сражения кругом.
И каждый призван и зависим.
Война – с войной, война – с врагом
Война с проклятым закулисьем.

И хлещет полдень ветровой
В мои военные медали.
Я – на Четвертой Мировой.
А – Третья?
Третью –
Проиграли.

Дух границей не сковать.
И в тиши судьбы фатальной
Мне не стыдно тосковать
По земле – чужой и дальней.

И поверить неспроста:
Все мы в мире – просто дети.
Продолжение креста,
Добавление к мечети.

И не мой ли взгляд хранит
Встречу в мартовские Иды
У подножья пирамид
Иль в садах Семерамиды?

Я сознанием вольна
Не сидеть в бетонных клетях.
Я всегда была! Жила!
В тех веках и в землях этих.

Куст калины у ворот.
Снегопад над льдиной дальней.
Круговорть, круговорот.
Тень от пагоды хрустальной.

Белый аист, белый барс,
Белоснежная бумага...

Боже правый, дай мне шанс
Заплатить за это благо.

ПЯТНИЦА

Все досталось мне от века:
Не уродка, не калека.
На пороге появился
Чудотворец Николай.
В меру грустен, в меру весел.
Нимб – на вешалку повесил.
Остальным – готов делиться
Сразу – только пожелай.

Не перечу Николаю.
Я сама к нему пылаю.
Закрутилась, завертелась
Эта летняя метель.
Два разрозненных бокала –
Это, право, слишком мало.
Добавляем – одеяло
И, конечно же, – постель,

В перламутровом тумане
Позабудешь об обмане.
Словно бабочку с ладони,
Это марево не сдунь.
Далеки еще морозы –
От поэзии до прозы.
А пока что так прекрасен
Осенивший нас июнь!

Стынет лунная дорога.
Нимб сияет у порога.
Все на свете не напрасно
Разве ты не знаешь сам?
Тает время, словно свечка.
Николай, скажи словечко...
Капля вечности стекает
Сном медовым по усам.

Слыши как множатся вздохи
Как разгораются страсти;
Колокол бьет по эпохе:
Денег! Удачи! И власти!

Вот завертелась потеха!
Алчет делец и бездельник.
И разлетается эхо:
Власти! Удачи! И денег!

«В злую игру не играйте,
И не надеясь на случай,
Что-то одно выбирайте!» –
Вымолвил НЕКТО МОГУЧИЙ.

Шелест заманчивых пачек
Вызов престижных вопросов...
«Власти!» – сказал аппаратчик.
«Денег!» – ответил философ.

Сумрак смешался со светом.
Ложью подернулось слово.
Мне ли участвовать в этом?
Боже, спаси от такого...

Не за проливом Беринга,
А ближе и родней
Латинская Америка
Живет в душе моей.

...Откину край панамы,
Предамся миражу.
И за спину ламы
Ацтека разгляджу.

Рассеет ветер древний
Следы далеких ран.
Кофейные деревья
Окутает дурман.

Я вижу в центре мира,
Где скрыта красота,
Крестьяне-гуахиро
У Южного Креста.

И заревом пожара,
Как очищенье дня,
Сомбреро Боливара
Приветствует меня!

...Когда обманет случай,
Когда надежды нет,
Шепчу: «Бэса мэ муcho»,
Латинский континент.

НОВЫЕ БЕДНЫЕ

Сгорбленные и бледные,
Возле каждой помойки
Топчутся – новые бедные.
Детище перестройки.

Кем-то когда-то бывшие,
Знавшие дни победные
Жмутся под каждой крышею
крысы и – новые бедные.

Чем-то когда-то бредили.
Что-то в мечтах лелеяли.
Строили – новые бедные,
Жали, пахали, сеяли...

Смогом, бедой, пожарами
Дышат – новые бедные.
Рушатся стены старые,
Гибнут поля заветные,

Сохнет ржаная корочка.
Это для вас, отличники,
Есть магазин «Пятерочка»...
Стоит, как пограничники!

СТОЛИЦА

Тебе ли пристало, столица,
С державной дороги свернуть?
В фальшивые храмы рядиться,
Рекламы повесив на грудь?

Притворно и ахать и охать
Над горем великой страны.
Где топчется алчная похоть
У самой Кремлевской стены.

Твои ли посланцы, столица,
Урвав криминальный кусок,
На пляжах Ривьеры и Ниццы
Вальяжно плавают на песок?

Разврату и злу потакаешь,
Пивной разливаешь коктейль.
Зачем ты, столица, толкаешь
Своих дочерей на панель?

Зачем твои властные лица
Сойдясь – присягнули рублю?

Прости, дорогая столица,
Я больше тебя не люблю.

ЧУЖИЕ ИМЕНА

Наверно, Мария Сотела,
В тебя Рональдию влюблен?
А, впрочем, какое мне дело
До этих далеких имен?

Но ветер смешно и сердито,
Возникнув, как звездные герой,
Стучится в окно – «Анхелита
Фернандесу двери открой!»

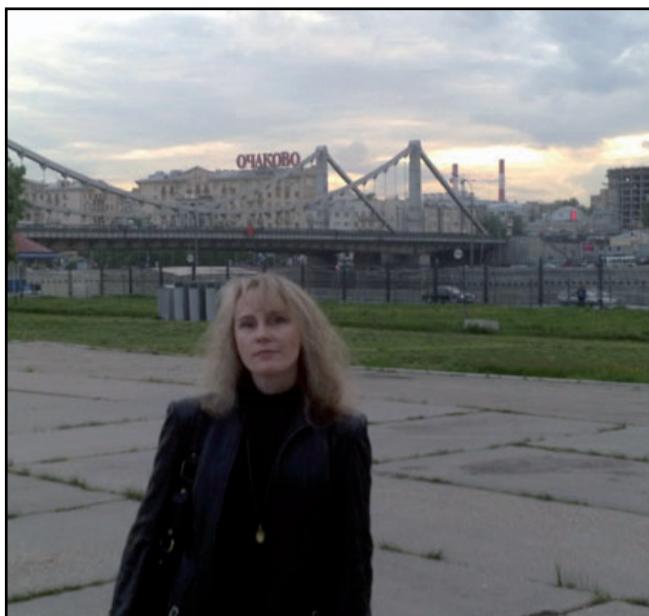
О как бесполезно, напрасно,
С какого-то давнего дня
Отравлена речью испанской
Далекая память моя.

Зачем средь земного угара,
В какой-то холодный апрель
Хлестнет ветерок – «Че Гевара...»
А сердце ответит – «Фидель...»

Среди городского асфальта,
На склоне туманного дня
Мне видится профиль Осvaldo
И Педро седлает коня...

И так же, быть может, Россия
Приходит в чужие края,
К тебе, дорогая Лусия,
Далекая тезка моя.

ПЛОЩАДЬ СИЛЛАБОТОНИКИ

СВЕТЛНА ОС
ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

О ЛЮБВИ

Ночь. Под балконом топчась бестолково,
Пылких речей рассыпая рулады,
Он Ей понравился с первого слова.
С первого слова... до первого взгляда.

Несколько позже, в кругу маскарада,
Ангельский облик приняв за основу,
Он полюбил Ее с первого взгляда.
С первого взгляда... до первого слова.

О КРУГАХ И ОГРАНИЧЕНИЯХ

Элитен, однородно-обезличен,
Числом входящих строго ограничен,
Рассадник лжи и круговых порук,
Притон амбиций – вожделенный круг.

Аморфен, нетерпим, претенциозен
До слез смешон, до смеха же серъезен,
Вместилище сомнительных идей
Для... круга ограниченных людей.

О ТРОФЕЯХ

Обидно: все не так и... все не те...
Где ж вы, предметы давних увлечений,
Венчающие списки приключений
Девизом «Со щитом иль на щите»?!

Окончен бал, и смолк баталий гром...
Единственный трофей окинув оком,
Скажу: «Хвала имеющим под боком
Надежный запасной аэродром!»

НИКОТИН

А он в целом свете такой один –
Всесильный, всех любящий Никотин,
Глоток кислорода в удущье тьмы!
А все остальное – дымы..
дымы..

Невинная шалость, простой каприз,
С ним мир окружающий ярко-сиз
И пышен, как праздник с картин Ватто!
А все остальное – не то..
не то..

И тщетно, явив первобытный нрав,
Хулы и проклятия шлет «Минздрав».
Ведь это – мой выбор, мои права!
А все остальное – слова..
слова..

Но счастье не вечно – оно мираж..
Мне тесен мой дом и уныл пейзаж,
Над гладью плиты небеса пусты,
А все остальное – кресты..
кресты..

О ДОВЕРИИ

В чаду, в угаре праздничной феерии,
Неся взахлеб словесную пургу,
Я без труда вошла к тебе в доверие,
Но выйти почему-то не могу.

Ты гол и пуст, как выжженная прерия,
Чуть тормознешь – и день потрачен зря...
На кой мне черт сдалось твоё доверие?
О, дайте, дайте мне поводыря!

МЕХАНИЧЕСКИЙ ПОЭТ

«Это было не раз,
это будет не раз..»
Н. Гумилев

«Это было не раз, это будет не раз»...
Вызываю стихами то боль, то экстаз,
Ты умело жонглируешь словом,

Вдохновенно несешь феерический бред,
И не важно, что сходства практически нет
Между явью и образом новым.

Ты живешь напоказ, умираешь на «бис»,
И в убогой цепи надоевших реприз,
Как и прежде, не видно просвета,
Но читателя самый нелепый каприз
Ты исполнишь, пока не зачах механизм –
Оловянное сердце поэта.

А потом – что хвала, что хула – все одно.
Пусть в руинах весь мир окружающий, но
Не задеты ни мысли, ни чувства.
Ты всегда на коне и с грехом пополам
Продолжаешь ваять поэтический хлам...
Исключительно ради искусства!

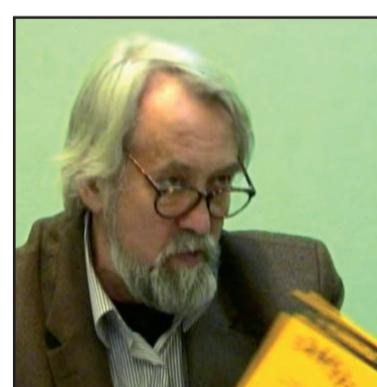
ЛИШЬ ОЖИДАНИЕ ЕГО!

Когда блестители традиций,
Сомкнув нетрезвые ряды,
Уронят радостные лица
В цветные россыпи еды,
Когда под бой часов с посудой,
Мечтая двинуться в бега,
Под елкой затаятся Чудо,
Как партизан в тылу врага,
Когда при всем честном народе
Откроет карты Дама Пик...
Поняв, что все пути приводят
В архетипический тупик,
Под натиском веселей ярых
Падет геройски волшебство...

Что может быть страшней кошмара? –
Лишь ожидание его!

Не познав ни высот, ни глубин,
Канем в вечность мы все как один –
Волонтеры комедий и драм –
(Не тогда, не за то и не там).

И, как будто бы, в память о нас
Начертают в назначенный час
Пару фраз на гранитной плите
(Не для тех, не о том и не те).

ДМИТРИЙ ЦЕСЕЛЬЧУК
БЫТЬ НАЕДИНЕ

Я слышу, как плещется рыба в реке.
Гляжу на закат. Обжигает саке
Морозного стихотворенья
И рифм подо льдом шевеленье.

17.02.2010
Балуево

Увы, я не был в сумасшедшем доме,
И на Гавайях тоже не бывал,
В еврейском не участвовал погроме
И не тащил девиц на сеновал.

Я – русский мещанин (чем горд был Пушкин),
Имею к жизни частный интерес,
Поддав, мне наподдал сосед Кукушкин,
Хотя, увы, Кукушкин не Данте.

Но для меня не главное безвестность,
Я не сую во все туловища нос.
Неправда, что наивность или честность
Не продаются – это не вопрос.

Мы за ценой не постоим, приятель,
Всех благ дороже в жизни private life,
В ней я наедине с тобой, Создатель,
А быть наедине – вот это кайф.

19.02.10
Балуево

Все знают, что Бродскому с Пушкиным
В конце было не до стихов

Без рифм обожали подружки их,
Измену прощая легко.

Не все еще было пропето,
А проза клонила к земле...
Но бедствие тихое это
Давно уже скрыто во мгле.

Не легче и нынче поэту
Беду эту встретить на Вы –
И прежде, чем вклинившись в Лету,
К земле не клонить головы.

Вселенная, что ты без рифмы
И ритма – пустая дыра, –
Жизнь учит своим алгоритмам
От вечера и до утра.

И с ними не справиться прозе,
Они лишь стихам по плечу, –
Пой гимны красавице розе,
А как – я еще научу.

25.05.10
Черёмушки

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Светлана Дион
«Небесный почтальон»
 М., Вест-Консалтинг, 2010

Сегодня снова на земле
 восьмое января...
 Зима шестая, милый друг,
 С тех пор, как я тебя
 Молитвой поздравляю вслух
 С рождением земным,
 С тех пор, как шепотом дождя
 Ты в памяти хранишь...

Почти каждое стихотворение личное.
 Будто перепечатано из дневников.
 Подобные стихи не всегда дают читателю
 «отражение» самого читателя, но зато
 чащее, чем это могли бы сделать, допус-
 тим, поэты, пишущие для поэтов и фило-
 логов. Для узкого круга ценителей «сло-
 весных сущих». Быть может, стихи Дион
 рождаются через «взрыв» и в постоян-
 ной потребности давать ответы самой
 себе.

Почему творчество человека уже
 самостоятельного и набравшего жизнен-
 ный опыт может быть наивным? Ангелы,
 чародеи, небожители, почтальоны с неба,
 духи природных стихий, уверенно бесе-
 дующие с богом – те самые восковые
 фигуры – образы, которыми грешат мак-
 сималисты на первых порах. Подростки-
 школьники и студенты. Такая концепция
 помогает скорее найти удобную точку
 обзора для самолюбования. Для смако-
 вания пережитого и проживаемого.
 Пойдя в рост, став выше собственной
 наивности, автор должен перерести
 ранее избранную им эстетику. Но у
 Светланы Дион вижу это только места-
 ми, словно отголоски былого творческо-
 го поиска. Возможно, все причины в
 стремлении окружить и себя и всех вок-
 руг мгновенно сочиненной сказкой.

Создавая дверцы в мир чуткого и ко
 всему внимательного, Дион открывает
 реальность с особой потребностью в
 мифе. Конечно, ни в чем не новую для
 читателя. Где сам миф как бы выступает
 одним из главных героев всего происход-
 щего. Всеми своими богами, всеми
 ангелами, колдунами и воинами, спасаю-
 щими деву разом. В своем творчестве
 Дион не устает преследовать классику
 русской литературы, как радугу, уходя-
 щую куда-то в небо. Она подтверждает
 это избранной тематикой и отсутствием
 усложнений стиля. Также не стесняется
 рассказывать о сверхъестественном в
 жизни. Что сама видела и что хотела бы
 увидеть на месте увиденного:

А что, если в небе читают стихи,
 И лучшие строфы и строки
 заносят в архив, как и наши грехи,
 И подвиги наши, а Боги



Их с помощью ангелов
 Судят и жгут
 И пепел нам ветер приносит...
 И эту небесную пыль поутру
 Вдохнешь – и поэзия в прозе
 Нежданно забрезжит, и нам невдомек,
 Откуда порою, как чудо
 Берутся каскады изысканных строк...
 А в море – зола изумрудов...

Это стихотворение стало для меня
 символом всего самого достойного,
 модернистского и «ранящего» из твор-
 чества Дион. Анапест, врастающий
 своим столбцом в самое сердце, подобно
 иве, раскинувшей ветви у края вод.
 Простота и изящество. Строчки, по-
 ахматовски заражающие настроением и
 мыслию, как бы всегда лежащей на поверх-
 ности. Но без глубокой философии,
 хотя в женской лирике немало примеров,
 когда «говорят просто о сложном».
 Когда нелегкая и глубокая мысль стано-

вится летучей, как дым. Тогда философия
 как бы выступает заложником автора.

Если слышно эхо наших жалоб
 Где-то в недозволенных мирах,
 Значит, не напрасно я писала
 Пальцем на искрящихся волнах...
 А тогда...

Когда уже не будет
 Ни меня, ни тех, кто дорог мне,
 Кто-то вечный, может, не забудет
 Повторять молитвы на волне...

Насколько разнятся с остальными
 строчки из стихотворения «Слова на
 воде»?! Ясно видно, как произведение
 стоит особняком. Даже по стилю, когда
 Светлану Дион узнаю только в излюбленных
 ею образах: «И с Временем,
 созданным нами,/ И с Всевышним, всюду
 и нигде...» Здесь все женское обаяние
 поэтессы достигает своего природного

максимума. Кажется, что она пишет так,
 как нигде еще не писала. Вплоть до мис-
 тики. Звучание слов, связанных в еле
 заметные узелки, завораживает.
 Понимаю, что в таком порядке они и
 должны располагаться. А прежнее жела-
 ние что-то подвинуть дальше, где-то
 переставить само собой разбивается об
 это живое и дышащее... Уже не напоми-
 нающее кубики из конструктора:

Набросили, как на вдову – чадру...
 Невидимое марево печали...
 И ластиком уже я не сотру
 Все пятна в сердце. Если повстречались...

В отличие от этого четверостишия,
 взятого из цикла «После третьего бока-
 ла», в «Слова на воде» отсутствует
 примитивное начало. «Слова на воде»
 философски усложнено, но за счет этого
 становится даже доступнее и «хитовее».
 Есть еще «ниточка», брошенная в про-
 шлое. Неизвестно, знает ли об этом сама
 поэтесса, но все ее стихотворение приго-
 товано на образе, когда-то записанном
 римским поэтом Катуллом, жившим во
 времена Цезаря. In aqua scribere – писать
 на воде.

Среди чуждых людей и пейзажей –
 В городах и деревнях чужих –
 Я скитаюсь, гонимая жаждой
 Вновь наткнуться на тихий родник,
 Где знакомы и камни и кочки,
 Колокольчик где грустно поник,
 Где журчанье воды, словно строчки,
 Вторит эху мелодий родных...

Светлана Дион представила в
 «Небесном почтальоне» произведения
 разных жанров. Отрывки из романов
 «Попрошайка любви» и «Записки
 ангела хранителя», переводные стихи и
 стихи на других языках, окружив все это
 тьмою отзывов и критических высказы-
 ваний со стороны коллег. В добавок под-
 робная биографическая справка на
 обложке книги, больше половины кото-
 рой состоит из перечня регалий, списка
 публикаций в журналах и антологиях. В
 книгу помещены фотографии, связанные
 с балетным прошлым поэтессы.

Стихи Дион могут быть проникно-
 венны и точны, когда речь идет о близ-
 ких – сыне, любимом. И я могу только
 умиляться и соглашаться, одобрять и
 радоваться за автора. Но как посторон-
 ний. Возможно, те, что стоят к стихам
 поэтессы ближе, воспринимают их иначе.
 И все звучит для них, как любовно омы-
 вающий землю дождь. Строчки питаю и
 растят новые плоды.

Игорь ДУДКИН

ПРЕСС-РЕЛИЗ

ВОКРУГ ДЫНИ

24 октября 2010 года в 19 часов в ресто-
 ране «БО» (Сретенский бульвар д.6/1
 стр.1) состоится Фестиваль «ДЫНЯ-
 АРТ» – авторский проект поэта, драма-
 тура и певицы Елены Дунской.

Подобно тыкве, давным-давно превра-
 тившейся в символ американского
 Хеллоуина, дыня стала геройней нового
 российского праздника.

Девиз Фестиваля: Красота и здоровый
 образ жизни.

Цель Фестиваля: Объединить предста-
 вителей различных видов искусств и про-
 фессий – художников, артистов, ювелиров,
 модельеров, кулинаров, стилистов, парфю-
 меров, а также людей разных националь-
 ностей и вероисповеданий под эгидой
 веселого осеннего праздника.

Дыню знают и любят повсюду – во всех

странах и на всех континентах. Ее выращи-
 вают в Европе, Африке, в Австралии и,
 конечно, в Азии, откуда дыня и пришла по
 Шелковому пути на Русь в XII веке.

Это позволяет сделать Фестиваль
 истинно международным и внести свой
 вклад в культурное единение человечества.

В рамках праздника открывается художес-
 твенная выставка, где будут представлены
 работы Клары Голициной, Натальи
 Нестеровой, Татьяны Либерман, Наталии
 Арендт, Вячеслава Зайцева, Дмитрия
 Санджиева, Игоря Снегура, Шуры
 Петрова, Бориса Койчешвили, Виктора
 Рибаса, Юрия Авалишвили, других талан-
 тливых художников.

Выступят известные музыканты и
 артисты:

Ансамбль «L'Esprit du Vent»

Композитор Владимир Давиденко
 Музыкант–мультиинструменталист
 Сергей Вяткин
 (музыкальная пила, скифская арфа)

Дуэт «ШАГАЛ»

Президент Академии Иллюзионного
 искусства России Рафаэль Циталашвили
 Рекордсмен Книги рекордов Гиннеса
 шоумэн Сергей Грибков

«Песочное шоу»

Архитектор и коллекционер ароматов
 Ирина Михайлова

А также в программе фестиваля прини-
 мает участие Московский клуб Лысых
 Мужчин.

Концепция фестиваля построена на
 интерактиве и импровизации. В фешен-
 перформансе на глазах у зрителей лоскут
 ткани в руках модельера М. Лейзольда

трансформируется в платье-дыню, а из-под
 кисти художника А. Гилярова появится
 модель в дынном боди-арте.

Кульминация праздника – перформанс
 художника Сан Саны «Вселенский дастар-
 хан». На черном квадрате холста вырастает
 живая дыня, чьи семена затем все участники
 и гости фестиваля посадят в землю, а вол-
 шебник Рафаэль Циталашвили сотворит
 чудо: из семян вырастет цветущее дерево.

Среди гостей фестиваля: Иосиф
 Кобзон, Зураб Церетели, Роман Викторук,
 Борис Мессерер, Юлий Гусман, Алик
 Зингер, Александр Левенбук, Юрий
 Николаев, Андрей Житинкин.

Контакты: 89055054911
 e-mail: elmoska@yandex.ru

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Антология поэзии и прозы МАГИ 2010: МАГИческое СЛОВО: Антология – Санкт-Петербург.

Торгово-Издательский Дом «Ретро», 2010

Пролистывая книгу, со вступительных слов понимаешь, что руководители проекта Светлана Дион и Елена Ерофеева-Литвинская задались благородной целью. В подробной аннотации читаем, что цель – «охватить пестрое, поэтическое и прозаическое поле русскоязычных литераторов разных стран, чьи произведения представляют художественно-историческую и духовную ценность для современного мира». Но стоит заметить, что тут есть огромный риск поддаться субъективизму.

Второй риск – не выбрать десятку – то есть сказать и не сделать – когда цель, этот парящий замысел, остается в названии недешевой глянцевой обложки. Ведь, чтобы, «как в капле воды», отразить действительность «русскоязычной литературы рубежа тысячелетий», необходимо напечатать, как минимум, несколько томов.

Рассмотрим творчество некоторых авторов.

У Дмитрия Голянского, стихи очень классические по сегодняшним меркам. Конструкция легкая, без разломов, игры со словами – всего, что называешь попытками самовыражения через форму стиха.

*Ее неловкие движения
Оставили печать.
Одно лицо без выражения,
Привыкшее молчать.*

*Под потолком густыми змейками
Играет звонкий дым.
Душа заставлена скамейками,
А мы на них сидим.*

Полные очарования поэзии 20-30-х и религиозной чуткости к «движениям души», эти стихи ведут читателя в мир «звонящих колоколов» и «глаз, исполненных тоски». В мир, где живая плоть

неподвижна. Где свободный дух «веет, где хочет», как было сказано античными мудрецами. Оттого не веришь, что это «сыны земли, с небесными очами», как из стихотворения «Звонари», бьют в колокола. Бьют не они – звон идет изнутри. В каждом человеке свой призывающий дух, когда человек – храм. Таким образом, Дмитрию Голянскому удается подчеркнуть одну из истин, знакомых христианину.

*Холодной мглой окутан двор
пустынnyй,
Свет фонарей проглядывает в ночь.
Слепой туман дождливой паутиной
Опутал дни, умчавшиеся прочь.*

Местами творчество Голянского хотелось бы назвать волошинским переплетением себя в книгу. Пусть не совсем справедливо. Нельзя же клеймить поэзию разных авторов по одному схожему ощущению, переживаемому от нее?! По близким каждому поэту, хотя и лишенным богатой цветовой гаммы в случае с Голянским, минутным картинкам природы. По душе русского человека, переполненной самою собой. Противоречащей, страстной, в непонятной жажде... Стихи Голянского порой затягивают плавными переходами одного в другое, но, случается, от них резко отворачиваешься.

*Я бы хотел писать стихи
как мой лучший друг Юра Милорада
Нарушать синтаксис
Сдвигать смыслы
Заставлять слово звучать по-новому*

Но я так не умею

Мне остается писать так как умею я сам

Эти стихи – стихи поэта Евгения Степанова. Не всегда блещущие концовкой, часто не попадающие в цель пулеметными очередями, чьи образы остры в углах и леденят стальным корпусом. Такую поэзию ценишь за моменты, после которых, ничего не щадя, остаются дымящие воронки. За внезапный ожог на холодном месте:

*Жизнь длится во время твоего
телефонного звонка.
Три минуты в день.*

Кажется, слабые концовки, в которых, либо прописаны законы жизни, что у всех на слуху, либо герой наполняется самоиронией, мастерятся намеренно. Это целенаправленное урезание смыслов, прямота и деланная безыскусность стоят на уровне оригинального художественного приема. Стихи наполняются оптимизмом, «всему-улыбкой», привнесшим непонятно откуда. Но, думаю, с ясной целью скрыть глубокое переживание автора. Я бы назвал это своеобразным самолечением. Когда поэту до отчаяния нужно преодолеть в себе тяжесть того, что он сам на себя навесил. Когда тушение пожара видится не в приезде пожарной команды. Не в огнетушителе. В истеричной пляске вокруг горящего дома, будто в ритуалах язычника. И тогда грусть преобразуется в радость избиения самого себя, молчание заканчивается самообличением, как в «Театре Петрушки»:

*Плачут мои нерожденные дети
Девочки сын даниил*

*Совесть зубастая рыба пиранья
Гложет меня как быка
Нет не кончается ночь покаянья
Длинная точно река*

Универсальные стихи Игоря Аукшта просто напрашиваются на то, чтобы их читали вслух. Образы пенятся, вступая в реакцию... остаются в зрительных центрах и легко «прожигаются» заново. При выстраивании картинки, автору удается рисовать, начиная как бы с уголков холста, и медленно к центру. С нескольких позиций одновременно.

*В виолончельных жалобах пчелы
на сквозняке покачивалась шляпа,
в луче, светло цедулющем стекло,
крыло соломки блеклое цвето
узором золотистых крупных крапин...*

Эти стихи универсальны. Потому, что каждый найдет в них заметное для себя отличие. Отличие от многих других

стихов, которыми только перенасыщаешься. Кому-то приглянется образность. Живая в простоте и сложности. Горячая, будто испеченная прямо при тебе. Запоминающаяся отдельными строчками. Кто-то остановит себя, пытаясь объяснить кажущуюся сверхъестественной звукопись. Не понимая, что так тянет его учить наизусть и бубнить в прихожей, в пустой комнате, за столом. Другие полюбят за смелое переделывание слов под себя, за легкую до провинциализма манипуляцию «новыми» словами:

*Руки не затворю
и перьев не сгребу в горсти,
голуба крылая, свисти себе, свисти
и прочь под куполы лесов
легчайшим сном, треица крылом,
лети!*

Стихи, понравившиеся в антологии меньше (или не понравившиеся вовсе!), не вижу смысла разбирать досконально.

В антологии «МАГИ» читаешь не только стихи. Опыты ритмической прозы Михаила Вершовского. Также прозу Сергея Арно, с проскальзывающей стилистикой швейцарца Роберта Вальзера. В коротеньком «Милосердии» ужасающую, то ли черным юмором, то ли воспоминаниями детства, становящимися пошлой метафорой. Из женской прозы ценное покажется критика и статьи на культурологические темы, но не рассказы или отрывки из романов. Критика Надежды Брагинской с ревнивой привязанностью к Пушкину, к примеру. Или вполне готовый материал для журнала «Вокруг Света» о городе Мадриде Ирины Комаровой. В остальном это либо фантастика, сквозь которую скучно просвечивают реальные бытовые сценки, как у Натальи Никифоровой в «Двух галактиках», либо сплошное «астральное поле» Александры Крючковой. Правда, встречаешь и попытки философии, обнажение женских комплексов, цепляющее, если не художественностью, то «натуральным соком».

Игорь ДУДКИН

Максим Жуков

«Поэма новогодняя моя»
М.: Союз литераторов России; Вест-Консалтинг, 2010.

Бытует мнение, что поэма умерла как жанр. В какой-то мере это справедливое наблюдение. Хотя и о романе говорят примерно то же самое. Тем не менее, прозаики продолжают не только называть так тексты, написанные вопреки установкам упомянутого жанра, но и создавать канонические романы, которые хоть по хрестоматиям проверяй, а не найдешь каких-то значительных отклонений от «нормы».

С поэмами несколько сложнее. Сейчас обычно так называют ряд стихотворений, объединенных общей тематикой и нередко плохо связанных между собой – стилистически, логически, интонационно. Под «сейчас» я подразумеваю не конкретно настоящие дни, но, скажем так, «нулевые» годы. Ведь что произошло в «нулевые»? Сформировался новый слой авторов (в первую очередь поэтов), взявших на вооружение доселе неизвестные пишущим людям методы продвижения своего творчества в массы, а именно – через Интернет. Данный вид раскрутки, как показывает практика, достаточно эффективен: автор сам размещает свои произведения на лайкерах, отвечает на вопросы читателей, переписывается в блогах с собратьями по перу, рассыпает тексты по электронной почте редакторам

изданий и т. п. При упорстве и активной работе во Всемирной паутине, литератор имеет все шансы стать известной и читаемой личностью. Наличие таланта необязательно. Не смотрел статистику, да и вряд ли она существует по данному вопросу, но обычно самые раз рекламированные авторы в Интернете – это бездарности. Исключение составляют те писатели, что пришли в Сеть уже будучи довольно известными, выпустившие не одну книгу, регулярно участвующие в теледебатах, ведущие персональные колонки и рубрики в газетах. Однако весь фокус в том, что раздутый Интернет-дуновением мыльный пузырь в конце концов лопнет.

Серьезный же автор, получив определенную порцию известности, со временем только упрочит свое положение, обрастая все новыми поклонниками, обзаводясь друзьями и завязывая полезные, иногда жизненно необходимые контакты.

Но Интернет обладает одним серьезным недостатком. Читать в Сети тексты большого объема чрезвычайно утомительно. Поэтому подборка среднего уровня стихов будет, конечно, прочитана, а вот немаленькая поэма, пусть и качественная, – едва ли. Может быть, это и есть главная причина того, что поэмы не очень популярны у современных стихотворцев. Не будем тут вспоминать всевозможных авторов-фронтовиков или мучающихся от безделья пенсионеров, увлеченно воспевающих подвиги маршала Жукова, проклинающих «демократический режим» и льющих слезы по пово-

ду безвозвратно ушедшего «светлого прошлого». Подобной макулатуры хватало и в советское время.

Что касается романа, то его «живучесть» можно объяснить многими факторами. Во-первых, литературные премии по прозе присуждаются в большинстве своем за романы, и писатели это учитывают. Захар Прилепин, к примеру, назвал сборник своих рассказов «Грех» романом. Я где-то читал, что за последние годы это одна из самых раскупаемых русских книг. Вполне возможно. Но как быть с тем, что это все-таки рассказы? Во-вторых, издательства, знакомые с запросами современного читателя, не стесняются идти на хитрости и «впаривать» обычателям ходовой товар. Частенько можно видеть на прилавке книги, в которой большущим шрифтом на зауженных страницах опубликовано произведение, по объему не дотягивающее даже до повести, однако называемое романом. В-третьих, статус романиста неизмеримо выше, чем писателя, отдающего предпочтение малым формам.

Вероятно, сказываются традиции русской литературы. В-четвертых, пишут в этом жанре все по той же традиции. И иногда неплохо пишут.

Вот и получается, что роман скорее жив, чем мертв, а с поэмой ровно противоположная ситуация. В связи с этим мне представляется крайне интересным то, что произошло с поэмой Максима Жукова. В Сети она затерялась. Это не означает, что совсем уж не

нашлось людей, которые дочитали ее до конца. Такие наверняка были, и ваш покорный слуга – в том числе. Но она не стала событием, ее практически не заметили, не обсуждали, не разбирали, не хвалили и не критиковали, словно бы автор опубликовал проходное стихотворение, которое забывается сразу после прочтения. А между тем, это крайне любопытное произведение, написанное хорошим языком, исполненное глубокого смысла, остроумное, доставляющее эстетическое наслаждение сколько-нибудь сведущему в поэзии человеку. Не поленился, отправил текст нескольким знакомым литераторам, поинтересовался их мнением и получил восторженные отзывы и просьбы познакомить с автором. Но ведь в Интернете эта вещь провалилась! Как же так?! Задаю этот вопрос не потому, что не знаю ответа (ответ выше), просто испытываю чувство досады и в какой-то мере обиды за хорошего поэта.

Может быть, осознавая, что произведение это отнюдь не «рядовое», Жуков и решился издать его отдельной книгой.

Игорь ПАНИН

(Читайте рецензию Игоря Панина на книгу Максима Жукова «Поэма новогодняя моя» в полном объеме в журнале «Дети Ра», № 12, 2010)

ИГОРЬ ГАЛЕЕВ

ИЗ ЦИКЛА «ВЫСШИЕ СОСТОЯНИЯ»

БОГАТСТВО ВЕЧНОСТИ

Если перед современным интеллектуалом поставить древних сибирских шаманов, то над моими высказываниями можно только хохотать. Вы увидите завшивленное вонючее существо в шкурах. Все его засаленные вещички и ритуалы увидятся ничтожными. А если он начнет рассказывать, то покажется трусливым наивно-кликушевущим фантазером. Если он будет держаться величественно, то вы разглядите за этим тщеславие и позорство. Вы же принимаете каждый день душ, у вас удобная обувь, на вас дорогой костюм, вы ездите на полированных машинах и принимаете пищу, как джентльмены и леди. Североамериканские шаманы заявляли, что они бессмертны, что их не возьмет ни нож, ни огонь, что они ловят пули руками. В них стреляли, и они с изумлением умирали. Шаману-Иисусу кричали: «Спасал других, спаси себя! Сойди с креста!» С изумлением Иисус затих на кресте.

Шаманская природа внутри себя имеет разделение на функции, уровни и степени осознавания.

Шаманство – это функция проводников-переводчиков в мириах и с языками всех планов вселенной.

Жизнь на земле многообразна, но это многообразие осколочная толика многообразия вселенной. Шаманство питается не из одного источника-уровня. А степени шамана зависят от согласования со многими осознавшими центрами планов.

От шамана требовалось сосредоточение всех его сил и инстинктов, всей его воли на познании. От его тела требовалась вспышки целостного восприятия мироздания. Чем больше он имел задатков, тем интенсивнее он подвергался испытаниям. Но если ему не удавалось достигать вспышек целостности, то к нему терялся интерес. Он становился мертвым шаманом с какими-то определенными феноменальными возможностями.

Из шаманов высекался звук. Но не половинчатый, не искаженный, а истинный, очищенный. Каждый умерший шаман становился частью живого тела Большого невидимого Шамана. Рассказы шаманов говорились не для людей, а для тех воль и измерений, которые его выпестовали. Для многочисленных существенных этих измерений. Шаман прокладывал своими сюжетами, рассказами и переживаниями дорогу к организующим возможностям-принципам жизни. Таким образом шаманы оплодотворяют вселенную, все ее уголки и пласти, все ее структурные царства.

Вселенские силы устремлены к сознательности, к таким состояниям, из которых можно путешествовать из мира в мир, из вечности в миры – осознанно. Вот что означают понятия – *пробуждение и просветление*. Ты теряешь тело, но есть другое тело, и самое главное – есть *лик* – слепок твоего вечного «я», по которому сорганизуются вещества, элементы, существа. Такие достижения уже не раз происходили в истинной истории Земли. Это и есть моменты гармонии и основы всех форм жизни. По таким слепкам моделируются этапы и периоды жизни.

Чтобы добиться высококлассного звучания, нужно создать-перепробовать тысячи инструментов. Звук определенного дерева, определенного металла, голоса птиц, зверей, стрекот насекомых, шелест планет, треск солнца – вселенная насыщена звуками, как попытками отразить вечностную реальность. Человек – это инструмент. Но не только. Он нацелен стать хозяином самого себя. Как? Почему многим не удается? Откуда появляется некая фатальная ограниченность, такая предопределенность, что никакая сила не может ее преодолеть? Как человеку свергнуть в самом себе чуждый разум?

Эти незаданные вопросы я читал во многих, узнавших меня глазах. И какая тоска, какое уныние стояли за этими взглядами. Все упирается в выбор и опыт служения. Все хотят, не зная и не превзойдя этот опыт, попасть в ферзи. Но это невозможно из-за правил самой Игры. И люди вновь делают ошибку несмирения-неслужения, наступая на те же грабли. Алчность вновь забирает их в свой ад или сон. Люди не предпринимают усилий в творчестве, а стремятся преуспетьничтожно-социально.

Все были императорами и лидерами. Все имели все, о чем только возможно мечтать. Но не все совершили творческие усилия в самопознании.

Даже если вам откроется вечность автостопом, то вы тут же захотите избрать путь самого отверженного изгоя. Вы постигнете, как многое вам было дано, и как самодовоально и капризно вы этим пренебрегали. Стыд и совесть расплющат вас. Вы поймете, отчего первые становятся последними.

Богатый имеет лимузин – и только. Имеет благообразных детей – и только. Имеет поездки на благодатные острова – и только. Имеет дома, бизнес и счет в банке – и только. Он оказывается истинным нищим, обделенным богатствами не обремененной целостной жизни. И его гложет тоска и зависть к богеме, к художникам и поэтам. Он видит через них отражение своей внутренней нищеты. Любой диктатор пытается приручить людей искусства, мудрецов. Он сам становится почетным академиком всех отраслей знаний. Он, словно дешевая тщеславная девица, хочет приукрасить себя яркими побрякушками и нарядами.

Богатый самый нищий человек, запомни это и не имей иллюзий, если образован и речист. Ибо за его словами нет собственного содержания. Нельзя обрести содержания без творческого опыта. Нельзя обрести знаний, даже если жизнь представит тебе тысячи мучений, если тебя и буду пытать ежедневно. Это не тот Опыт. Не внутренний. Это садомазохизм.

Муки и опыт необходимо выражать. И встречались поэты, которые писали на песке, и никому неизвестные являются известнее, чем самые именитые императоры. И одна строка порой искупала заблуждения всех и каждого. Один глоток вечности насыпал на целую жизнь. Как ни странно, но вселенная и жизнь людей созданы ради таких моментов.

Поэтому, если бы ты меня спросил, я бы ответил: сходите с ума в творчестве. Не умствуйте, а выгорайте в творческом экстазе полностью, за пределами всех сил. Если вам заплатят за ваши шлаки, то не обольщайтесь. Лучше, если не заплатят. У вас не будет лишних долгов. Вы же не платите цветам за красоту, а солнцу за свет и энергию. Гармония не связывает себя деньгами.

ПРЫЖКИ

Мне 25 лет. Мы плыли по Амуру на теплоходе. Были Серёга, моя двухлетняя дочь и ее мать. Вечером в каюте я рассказывал Серёге, как несколько лет назад выпрыгнул из лодки, как плыл, что пережил. Очень чувственно восстановил пережитое.

Ночью мы вышли прогуляться по палубе.

«А если я сейчас выпрыгну, как ты думаешь – выплыну ли я?»

Были ветер, волны и мгла. Я ему стал рассказывать о коварстве амурских вод. Но Серёгу волновало иное – считаю ли я его особым, верю ли я в его исключительность. Так я знаю теперь, но тогда я находился в состоянии умиротворения, и Серёгины претензии лишь раздражали меня.

В Хабаровске я ему прочел рукопись «Психоэмы», и это событие заразило его требованием действий и поступков. Он закис в Хабаровске в бесмысленном существовании. По-видимому, если бы он тогда не прыгнул, его душа бы не сделала скачок в более глубокие слои.

«Так ты не веришь, что я могу выплыть? Ты не веришь в меня?»

Дважды он раздевался и дважды я его останавливал. Если бы он тогда погиб, то его укоризненный взгляд мучил бы меня всю жизнь.

Серёга требовал внимания. Так же поступают обделенные вниманием женщины. Они наносят себе раны, блудят, они ведут себя безобразно, чтобы своим поведением наказать того, кто не уделяет им внимания. Делая больно себе, они делают больно близкому. До чего же это неистребимо!

Я обернулся, когда он вновь разделялся и стоял уже у перил. Я подбежал, схватил его за руку, но он вырвал ее и сорвался в темные воды. Я успел заметить, что он всплыл.

«Человек за бортом!» – закричал я, вбежав в капитансую рубку.

Был первый час ночи.

Теперь вспоминать очень смешно.

Объявили тревогу. «Семён Дежнёв» дал гудки, замедлил ход, и стали спускать шлюпку. Заспанные пасажиры не понимали, что происходит.

Я из конца в конец носился по теплоходу, спрыгнул через борт на карму, пытаясь попасть в шлюпку. Потом стоял с капитаном на мостице и гляделся в луч шарящего по волнам прожектора. По радио доложили, что шлюпку захлестывают волны. Они искали всего двадцать пять минут. Капитан дал команду: возвращаться шлюпке, а вахтенному следовать заданным курсом. Это был седой, видавший виды на амурских просторах старик-капитан.

Я кричал дико: «Вы не можете так! Вы должны искать!»

Капитан неожиданно подскочил, схватил меня за волосы и пригнул мою голову. Матросы скрутили руки. «В карцер!» – приказал капитан.

По дороге я разагитировал помощника капитана, пообещав не выходить из каюты. В карцер не повели, а утром капитан вызвал подписать «опись вещей утопшего».

Капитан заявил, что сообщил о случившемся в милицию, и что они предпримут мероприятия по поискам (на самом деле он в милицию с теплохода не сообщил). Он очень возмущался записями из блокнота, найденными в чемоданчике Серёги, типа «Брежnev супер-стар».

«Такие вещи про правительство! Это хорошо, что такой человек утонул! Такие люди не нужны советскому государству! Как только возможны такие люди в нашем обществе!»

Он передал блокнот в КГБ. Профессионалы почти всегда вот такие сволочи и дураки, каким бы мастерством они не восхищали и сколько бы лет не прожили. Не обольщайся.

Я всегда говорил Серёге:

«Ты зачем это записываешь? Ты что, не можешь запомнить, что Брежнев супер-стар?»

Но Серёга любил потягаться с властями в блокнотах.

Я потом слышал, что этого капитана никто на Амуре не любил. Он не отдавал Серёге вещи, требовал штрафа, с каждым прибытием увеличивая сумму. Я уговаривал Серёгу плюнуть на старые тряпки, но он мечтал заполучить их обратно.

Да, Серёга выплыл. Он всегда был счастливчиком в подобных ситуациях.

Как только шлюпка повернула назад, он почувствовал под ногами дно. Он практически не плыл – его вынесло на песчаную косу, выводящую к острову. Он говорил:

«Шлюпка чуть-чуть не доплыла до меня. И я радовался, потому что больше всего боялся побоев от матросов и позора от пассажиров, что я не выплыл, а меня выловили, как неголяя».

В городе никто не сомневался, что он утонул. Я собрался на почтовом катере возвратиться к месту трагедии – искать то ли тело, то ли голого дикаря в тайге. И только моя мать сказала: «Захочет выплыть – выплынет». Она родилась в тех местах и знала Амур. Отчим предлагал все воспринять за данность. Он не верил, что там можно выплыть.

Серёга позвонил сам, он прибыл на попутном метеоре.

Очень смешно, как его нашли. Ранним утром на остров прибыла моторная лодка с дядяками. А Серёга кутался в солому. Он предстал перед ними в трусах и соломе и сообщил, что случайно выпал с теплохода. Развеселившись дядяки унижали его, говоря: «Ты не случайно выпал, тебя выбросили!» Они ему дали штаны, которые служили грязной тряпкой в лодке. А дебаркадерщик выделил ему рваную телогрейку и шлепанцы. Когда подошел метеор, то матросы даже не спросили у него билет – такой гордый и необычный он имел вид.

В том же гордом виде он предстал и передо мной. Я встретил его на Николаевском пирсе, и он боялся, что я его буду бить. Он пребывал несколько недель в состоянии героя-победителя.

Нас вызывали в милицию к следователю. С подачи КГБ завели дело о хулиганстве.

Серёга ходил в КГБ и требовал вернуть блокноты. Ему сказали, что их никто им не передавал.

«Вы нарушаете конституционное право на личные записи!»

«Это вы должны лучше читать конституцию!» – не выдержал человек в штатском.

В тот период у Серёги утвердились решение – ехать покорять Москву.

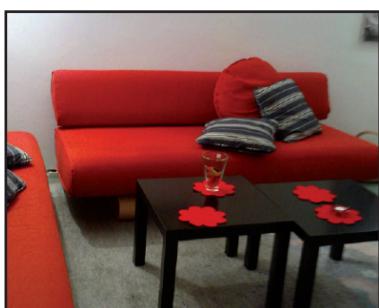
В уголовном кодексе не оказалось статьи за остановку теплохода. А за остановку поезда была. Но корабль не поезд. Интересно, можно ли остановить самолёт?

Мы тогда с ним все же попали в милицию за нарушение общественного покоя и за стычку с совершенно отмороженными ментами. Меня посадили в обезьянник. Серёгу ударил один из них, и нам бы досталось больше, если бы не один звонок...

А я вот что скажу – внешний прыжок может спровоцировать и внутренний прорыв. Но вот внутренний прыжок всегда отразится в потребности творить.



Берлин



Апарт-отели в Западной части города

STEPANOFF-HAUS ТЕПЕРЬ И В БЕРЛИНЕ

Апарт-отели STEPANOFF-HAUS в Берлине.

STEPANOFF-HAUS — составная часть Холдинга «Вест-Консалтинг».

STEPANOFF-HAUS — это одно-двухкомнатные квартиры класса «люкс» в центре города.

Краткосрочная аренда. Трансфер. Разумные цены. Скидки авторам и клиентам Холдинга «Вест-Консалтинг».

Тел. для справок в Москве:

(495) 978-62-75.

Сайт: www.apartments-hotel.ru

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 5 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 7 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 70 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

**Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanov@west-consulting.com**

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanov@west-consulting.com

Список авторов книг, изданных в «Вест-Консалтинг»

- | | | |
|-------------------------------|-------------------------|--------------------------------|
| 1. Геннадий Айги | 41. Максим Замшев | 81. Евгений Реутов |
| 2. Галина Куборская-Айги | 42. Сергей Зубарев | 82. Наталья Рожкова |
| 3. Владимир Алейников | 43. Константин Иванов | 83. Татьяна Романова-Настина |
| 4. Анна Альчук | 44. Магомед Кадирбеков | 84. Борис Рублов |
| 5. Светлана Артемова | 45. Татьяна Кайсарова | 85. Алексей Самойлов |
| 6. Рита Бальмина | 46. Алексей Караковский | 86. Ольга Симоненко-Большагина |
| 7. Роман Барабаш | 47. Александр Колобаев | 87. Андрей Сокульский |
| 8. Аркадий Бартов | 48. Юрий Колодний | 88. Олег Солдатов |
| 9. Александр Барынин | 49. Александр Коновалов | 89. Владимир Солоненко |
| 10. Юрий Беликов | 50. Александр Кожемякин | 90. Виктор Соснора |
| 11. Рита Бальмина | 51. Юрий Коньков | 91. Евгений Степанов |
| 12. Готфрид Бенн | 52. Ксения Корнилова | 92. Анастасия Степанова |
| 13. Зоя Билютина | 53. Владимир Кочетков | 93. Людмила Строганова |
| 14. Сергей Бирюков | 54. Любовь Красавина | 94. Сергей Стукало |
| 15. Михаил Бойко | 55. Сергей Кромин | 95. Александр Сыров |
| 16. Вир Вариус | 56. Ирина Кронгауз | 96. Ольга Татаринова |
| 17. Александр Вепрёв | 57. Елена Крыжановская | 97. Александр Ткаченко |
| 18. Верочка Вербина | 58. Виктор Клыков | 98. Дмитрий Тонконогов |
| 19. Анна Ветлугина | 59. Александра Крючкова | 99. Леся Тышковская |
| 20. Татьяна Виноградова | 60. Алексей Левшин | 100. Вальтер Тюмлер |
| 21. Виталий Владимиров | 61. Илья Леленков | 101. Валерий Тюпа |
| 22. Вячеслав Воронков | 62. Слава Лён | 102. Борис Устименко |
| 23. Михаил Вяткин | 63. Аня Логвинова | 103. Надежда Ушакова |
| 24. Галина Гедрович | 64. Александр Лысенко | 104. Наталья Фатеева |
| 25. Евгений Голованов | 65. Анна Лучина | 105. Сергей Фед |
| 26. Ирина Голубева | 66. Борис Марченко | 106. Александр Федулов |
| 27. Сергей Горбушин | 67. Вилли Мельников | 107. Наталия Филатова |
| 28. Виктор Грушко | 68. Надежда Мещерякова | 108. Сергей Фотиев |
| 29. Ирина Горюнова | 69. Юрий Милорава | 109. Евгений В. Харитоновъ |
| 30. Андрей Гусев | 70. Ольга Моисеева | 110. Михаил Чевега |
| 31. А. Ю. Горчева | 71. Важди Муавад | 111. Александр Четверкин |
| 32. Татьяна Грауз | 72. Антон Нечаев | 112. Дмитрий Цесельчук |
| 33. Борис Гринберг | 73. Владимир Новиков | 113. Геннадий Шамрай |
| 34. Феликс Гурт | 74. Елена Павлова | 114. Олег Шатыбелко |
| 35. Алексей Даен | 75. Юрий Перфильев | 115. Татьяна Шемякина |
| 36. Виталий Дмитриев | 76. Эдуард Просецкий | 116. Татьяна Щекина |
| 37. Елена Ерофеева-Литвинская | 77. Викентий Пухов | 117. Элана |
| 38. Анастасия Ермакова | 78. Снежана Ра | 118. Алексей Юрьев |
| 39. Владимир Ермолаев | 79. Иосиф Рабинович | 119. Ия Эско |
| 40. Инна Иохвидович | 80. Ирина Репина | 120. Борис Якубович |

Газета Холдинговой компании

«Вест-Консалтинг»

(www.west-consulting.com)

Тел.: (495) 978-62-75

Сайт: www.poetograd.ru

Общественный совет

Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)

Главный редактор

Евгений Степанов

Шеф-редактор

Наталия Лихтенфельд

Верстка

Марина Кива

Отдел рекламы и связей с общественностью

Ирина Горюнова

Интернет-версия

Максим Жуков,

Николай Баринов

**Газета отпечатана в ОАО «Губкинская типография»,
Общий тираж 5000 экз.**